

Независимая - 2003 - 26 стр.

Образцова-сейшн

Оперная дива осваивает джаз

Владимир Дудин

Санкт-Петербург

Елена Образцова дала в Петербурге концерт-экслюзив, исполнив программу классического джаза. Оперная прима, отмечающая 40-летие творческой деятельности, дебютировала в амплуа, о котором когда-то не могла и помыслить. На сцене Большого зала филармонии при полном аншлаге она в партнерстве с ансамблем завязанного джазмена – саксофониста Игоря Бутмана спела одиннадцать песен, мелодии которых стали джазовыми стандартами.

Уставшей от изобилия всего Москве дива предпочла Петербург – город консерваторской юности, где ее не перестают любить. Без всякого шума и рекламной кампании, фактически в домашней обстановке Елена Васильевна решила попробовать вкус "черной страсти". По признанию теперь уже не Кармен, а скорее Графини из "Пиковой дамы", она заболела джазом год назад и незамедлительно решила сублимировать эту "высокую болезнь" с помощью молодых и полных отнюдь не оперной энергетики джазовых музыкантов.

Своей новизной концерт явно претендовал на то, чтобы произвести фурор и стать мировой сенсацией: все-таки не каждая гранд-дама в положении "народной артистки" отважится на подобный смелый шаг. Можно ли представить в такой метаморфозе, к примеру, Марию Каллас или госпожу Сазерленд? До сих пор ожидать этого можно было только от оперных див-негритянок типа Джесси Норман. С территории оперы певцы-европейцы чаще всего совершают добровольные или вынужденные вылазки в поп-жанры, ориентированные на образец дуэта Кабалье-Меркьюри – например, наша Казарновская успела совершить мезальянс с душкой Басковым. Джаз-эскапизм от Образцовой – явление чисто русское и возрастное. Дух ищет, где

хочет. У безумной от любви шестидесятичетырехлетней примы, имеющей свое "средство Макропулоса", ресурс личности далеко не исчерпан. Да и голос неувядающей оперной меццо сейчас настолько обогатился обертонами, что перейти на другую частоту не стоило ей больших усилий. Широта натуры позволила ей подражать некой абстрактной и могучей джазовой певице без особых проблем – была необходимая "черная" густота.

А вот в плане ментальном сложности у бесстрашной Елены все же были заметны. Выйдя с привычной гордой осанкой на привычное, казалось бы, место, Елена Васильевна, слегка смутившись, тут же вознеслась в привычные эмпиреи ностальгирующей примадонны. Экстравагантный, странноватого вида комбинированный костюм из черного платья и накидки через плечо до пят, усеянной, как снежными хлопьями, кусочками белого меха, красноречиво говорил о вечере "классического джаза". Все первое отделение она, сидя на высоком табурете, думала о чем-то своем. Холодно, непривычно отстраненно для нее, на ломаном английском в несколько однообразной джазовой манере она пела про "Осень в Нью-Йорке" Дюка, "Yesterdays" Керна и прочие "чейнджи" в жизни и "ломания" сердец, держась за крышку рояля, как за спасительный якорь, и заглядывая в глаза обаятельному субтильному пианисту с надеждой не потонуть в водоворотах ритма. Пианист (Антон Баронин) оказывал даме знаки внимания своей элегантнейшей игрой. В знак же еще более серьезной поддержки она оборачивалась к хромающему из-за недавнего перелома Бутману, чтобы обменяться широкой белой зубой улыбкой.

После антракта Образцова согрелась и второе отделение отрывалась по полной, беззастенчиво вываливая на слушателя лавину своего горячего женского тембра.